

18+

ЮЛИАНА СТРЕЛЕЦ

ПРОДАВЕЦ И ПОКУПАТЕЛЬ

ИЛИ КАК Я НАУЧИЛАСЬ
НЕНАВИДЕТЬ ЛЮДЕЙ

Юлиана Стрелец
Продавец и покупатель.
Или как я научилась
ненавидеть людей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70846309

ISBN 9785006414587

Аннотация

Почему продавцы бывают такими злыми? Всегда ли это зависит от характера человека? Или обстоятельства тоже имеют большое значение? В этой книге я расскажу, как добрая тихая девочка вдруг стала злобной мегерой. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Церковная лавка (рынок)	7
Церковная лавка (храм)	20
Социальная лавка (село)	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Продавец и покупатель Или как я научилась ненавидеть людей

Юлиана Стрелец

© Юлиана Стрелец, 2024

ISBN 978-5-0064-1458-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Продавцом я проработала около десяти лет. С небольшими перерывами, правда. Никогда не умела долго сидеть на одном месте, поэтому постоянно бегала туда-сюда, меняя не только место работы, но и место жительства. Поэтому в трудовой книжке имеются пробелы, когда я находилась в творческом поиске.

Работала я в магазине одежды, бытовой химии, продуктов и в магазине смешанных товаров. Но началась моя, так сказать, карьера продавца с церковной лавки.

Нет, я не оканчивала никакой церковно-приходской школы или семинария. Меня туда приняли по благу. На тот момент я снимала комнату у одной бабули, с которой мы познакомились в детском лагере.

Я тогда ждала ответа одной организации, в которой оставила свое резюме, и болталась без дела, когда увидела в газете объявление о наборе в детский оздоровительный лагерь. Решив зря не терять время, я отправилась по указанному адресу.

Именно там я познакомилась с Зинаидой Сергеевной, которая предложила мне поселиться у нее. Денег за комнату она с меня не брала. Вместо этого я покупала продукты, готовила, мыла посуду и наводила порядок в ее квартире. А устраивать бардак она ой как любила!

Зинаида Сергеевна была педагогом с высшим образованием и сорокалетним трудовым стажем. Учебного материала и тому подобного у нее было полквартиры. Все стояло в коробках в кладовой, а самое любимое – возле ее постели. Вот эти дорогие сердцу коробки, а их было штук пять, она ворошила и перебирала каждый день, причем вываливая все это на пол. Зачем она это делала, я так и не узнала, но убирать все это приходилось мне. Уж больно она уставала от перебирания своего хлама, и собрать все обратно у нее просто не было сил. Она укладывалась в свою постель, и через пару минут раздавался громкий храп.

Она же познакомила меня с моим первым мужем Максимом. А после – устроила на работу в храм, где одна из ее знакомых работала главным бухгалтером.

Ответа на свое резюме (кто бы сомневался) я так и не дождалась, поэтому ее предложение оказалось как нельзя кста-

ти. Городской прописки у меня не было. Мы с Максимом жили у его матери, но прописана я была в селе у родителей, а многие организации требовали именно городскую прописку. Но просить свекровь прописать меня в своей квартире у меня и в мыслях не было. Она и так была уверена, что я появилась в их жизни, чтобы отобрать у них имущество. Впрочем, это совсем другая история.

Никакого образования я так и не получила: всегда была слишком ленива, чтобы учиться. Как я умудрилась окончить одиннадцать классов, ума не приложу. Еще и с аттестатом твердого ударника, то есть без троек.

Опыта в торговой деятельности не было и подавно: до этого я работала в детском саду. Поэтому блат был мне просто необходим.

Без ложной скромности скажу, что я достаточно сообразительный и ответственный человек, поэтому мне удалось быстро втянуться в торговый процесс и понять, что от меня требуется.

Церковная лавка (рынок)

Церковная лавка располагалась в маленьком закутке на первом этаже большого крытого рынка. Слева находился отдел фотопечати, справа – сувенирная лавка, напротив – зоомагазин и пресса. Чуть дальше – киоск с дисками и тому подобной мелочью.

Очень часто мне приходилось наблюдать, как продавцы грубят покупателям, как покупатели целенаправленно портят настроение продавцам, как продавцы поливают грязью друг друга.

«Почему люди такие злые?» – удивлялась я, добрая по своей натуре.

Я никогда не грубила своим покупателям, даже если они пытались вывести меня на эмоции. К тому же мне по статусу не положено было, ведь я работник храма: длинная юбка, обувь без каблука, платок на голове, никакой косметики и украшений. Правда, вместо платка у меня был огромный шелковый палантин насыщенного сиреневого цвета. Его мне подарила мама. Он мне очень нравился, и в нем я чувствовала себя красавицей.

Поначалу мне было неловко ходить в таком одеянии: в повседневной жизни я носила джинсы и обувь на массивной подошве. К тому же остальные работники рынка смотрели на меня, как на диковинное животное. Естественно, никаких

дружеских отношений у меня ни с кем из них не сложилось.

Единственная, с кем можно было легко пообщаться, была бабуля из сувенирной лавки. Высокая кудрявая, достаточно стройная для своих шестидесяти с небольшим лет и с тихим голосочком. А поговорить она ой как любила! Иногда я жутко уставала от ее болтовни, и у меня начинала болеть голова.

«Какая же ты нудная, бабуля», – думала я, стараясь найти себе какое-нибудь занятие, чтобы поскорей отвязаться от нее. Если же она вставала к окошечку, через которое мне приходилось торговать, я начинала молиться, чтобы пришел хотя бы один покупатель и прервал нескончаемый поток ее слов.

Была у этой бабули довольно скверная привычка переманивать к себе покупателей, которые совершали покупки в другом отделе. Иногда те даже не успевали ничего выбрать, как она легонько брала их под локоток и вела в свою лавку.

Все помалкивали, поджимая губы, а бабуля, божий одуванчик, невинно улыбалась и хлопала ресничками в ответ на злобные взгляды других продавцов.

Только одна из нас, татарочка Надя лет сорока, продавец прессы, никогда не держала в себе отрицательные эмоции и выливала их на всех подряд. Поэтому и с бабулей из сувенирной лавки особо не церемонилась и вступала с ней в шумные перепалки, заканчивающиеся откровенными оскорблениями с ее стороны. Бабуля в ответ что-то шептала ей своим тихим голоском, брала за руки и поглаживала

по плечу, что еще больше раздражало Надю.

Продавец дисков, Ира, круглая маленькая женщина, обычно общалась с девушкой из фотопечати. Лена была очень красива и стройна, и я немного ей завидовала, так как моя внешность никогда не была броской и запоминающейся.

«Ленка, пошли курить! – раздавался громкий голос Иры почти каждые полчаса. – Ленка, уходим отсюда!»

Но стоило появиться ее руководителю, молодому человеку лет тридцати, голос Иры сразу стихал. Он отчитывал ее, как школьницу, не стесняясь повышать голос. Иногда срывался на крик так, что это слышало полпрынка. Мне было искренне жаль ее.

Но однажды Ира с обидой сказала ему:

– Почему так? Ты все время придираешься, кричишь. Хоть бы раз похвалил! Или, чисто по-человечески, спросил: «Как у тебя дела, Ира?» Неужели это так трудно?..

Удивительно, но с того дня ее начальник стал вести себя более сдержанно. Видимо, слова Иры оказали на него свое действие.

– Покупатели же разные бывают, – жаловалась Ира своей подруге Ленке. – Некоторые купят диск, посмотрят его дома и несут обратно, мол, поменяйте! Меняешь, они снова его возвращают. А ведь упаковка уже вскрыта! И как объяснить покупателю, что диск потерял товарный вид и теперь его никто не купит.

Да, теперь все умные стали: бродят, портят нервы про-

давцам, вооружившись лозунгом «ПОКУПАТЕЛЬ ВСЕГДА ПРАВ!» Конечно, это люди недалекого ума, но нервишки-то из-за них страдают.

Я, конечно, не спору, что есть такие продавцы, которые доведут до истерики любого покупателя, даже если тот пришел в магазин в отличном настроении. Взять, например, все ту же Надю, продавца прессы.

Однажды утром к ней пришла женщина в дорогой шубе и с туго набитым кошельком, который она держала в руке, и принялась перебирать свежую прессу. А эта Надя ужасно нервничала, когда покупатели рылись или просматривали что-то из товара, и, поджав губы, выхватывала у них из рук газету или журнал.

Естественно, человек хотел бы выбрать что-то интересное для себя. А Надю раздражало, что они копались в ее уголочке, в котором она с такой любовью наводила порядок. Покупатели уходили, пожав плечами, так ничего и не купив.

С этой богатой дамой Надя решила выкинуть тот же номер, но не тут-то было.

Их негромкая перепалка стала переходить в ссору, а затем вылилась в грандиозный скандал. Надя, как обычно, не стеснялась в выражениях и уже перешла на откровенные оскорбления.

– Ходишь тут с утра пьяная! Шары свои залила, ничего вокруг не видишь! – закричала в бешенстве Надя.

Женщина на секунду потеряла дар речи, а затем, ахнув,

приложила ладонь в область сердца. Но чувство собственного достоинства сохранила и даже не перешла на «ты», как это сделала продавец прессы.

– Да как вы смеете?! Что вы себе позволяете?! – воскликнула женщина. – Я больна, а вы говорите – пьяная!

– Да что, я не вижу что ли?! – снова закричала Надя. – Качает из стороны в сторону. Конечно, пьяная! С утра пораньше. Шатаешься тут, людям спокойно работать не даешь!

– Да вы даже не представляете, с кем говорите! – перешла на угрозы женщина в шубе. – Да вы понятия не имеете, на что вы нарываетесь! Я сейчас же пойду к вашему директору, вас вышвырнут отсюда сегодня же!

Женщина круто развернулась на каблуках и зашагала прочь, все еще держа руку на сердце.

– И нечего меня пугать! Никто меня не уволит, пока я сама не захочу! – крикнула ей вслед Надя.

После этой сцены она притихла и за весь день ни одному покупателю не сказала ни одного грубого слова. Правда, и увольнения никакого не последовало. Ее даже к директору не вызывали.

Работая в церковной лавке, я не боялась таких открытых конфликтов. Ко мне, как к храмовому работнику, относились с большим уважением, чем к другим продавцам.

Торговала я через небольшое окошечко, поэтому сильно волновалась, когда покупатели просили примерить или рассмотреть что-то из серебра. Конечно, особо дорогих укра-

шений среди них не было, но даже двести рублей за кольцо в случае кражи мне пришлось бы вкладывать из своей зарплаты. А получала я до смешного мало. Впрочем, откуда взяться выручке в маленькой церковной лавке? А моя зарплата зависела именно от нее.

Только за счет серебра и золота, которого было немного, мне удавалось получать около двух тысяч рублей. Этих денег мне хватало лишь на ежедневный проезд и минимальное количество продуктов. А уж о поездке к родителям в село пришлось на время забыть. К счастью, за жилье платить не приходилось, так как я жила с мужем и свекровью.

Муж мой не работал, поэтому купить что-то на свои гроши я не могла. Если удавалось выкроить себе на новые трусики или капроновые колготки, я радовалась, как ребенок.

Товара в лавке было немного: иконы, восковые свечи, несколько книг и всякая церковная мелочь. Но откуда брались эти ненавистные недостатки, я никак не могла понять. Покупателей было мало – проторговаться достаточно сложно. Вот и приходилось иногда вкладывать в кассу из своей нищенской зарплаты.

Мне это так надоело, что я решила выкручиваться, как это делали другие продавцы: обсчитывать покупателей. Я долго противилась этому соблазну, но вынуждена была сдаться.

Я стала накидывать по два-три рубля на каждый товар, особенно ходовой, а разницу складывала в отдельную коробочку. Выгодней всего было выезжать на серебре: с его про-

дажи я имела пятьдесят-сто рублей плюсом.

Да, мне было стыдно. Поначалу я переживала за каждый обчисланный рубль, потом начала втягиваться и постепенно привыкать. Но однажды я поступила очень скверно, за что корю себя до сих пор.

Был какой-то предпраздничный день. На рынке полно народу, а у меня, как обычно, никого.

Подошел полноватый, хорошо одетый мужчина. Он мне сразу не понравился, уж больно нервный и суетливый, как будто куда-то торопился.

– Мне ладанку. Вот эту, на веревочке, – недовольно буркнул он и ткнул пальцем в стекло.

Я достала ладанку и подала ему, а он протянул мне тысячную купюру. С такими крупными деньгами ко мне обычно никто не приходил. Сдачи, естественно, тоже быть не могло. Даже если выгрести всю мелочь. О чем я и сказала покупателю, но он потребовал сдачи.

Я достала все имеющиеся деньги, которые были, и принялась отсчитывать, хотя точно знала, что на сдачу все равно не хватит: ладанка стоила шестьдесят пять рублей.

– Чего ты мне мелочь суешь? – грубо сказал мужчина. – Бумажные давай!

– У меня нет столько бумажных. Только мелочью могу, – потупила я взор, как школьница, которую отчитывал строгий учитель.

Подошли другие покупатели и попытались заглянуть че-

рез плечо этого мужчины, который закрывал весь обзор. Мужчина занервничал еще больше, но все сотни и десятки сгреб себе в карман.

Когда оказалось, что мелочи на сдачу все-таки не хватит, я спросила у него:

– Может, вы разменяете деньги, а потом придете за ладанкой?

Он одарил меня презрительным взглядом и, схватив свою купюру, зашагал прочь.

Обслужив еще двух покупателей, я наклонилась, чтобы аккуратно разложить деньги в коробочке, в которой хранила бумажные купюры. Я чуть не потеряла сознание: она была пуста!

Схватившись за край прилавка, чтобы не упасть, я боролась с рыданиями, готовыми вырваться наружу.

Мужчина не взял ладанку, но забрал свою тысячную купюру, а также всю сдачу, которую я ему отсчитала!

Волна злости на него и жалости к себе захлестнула меня с головой.

«Какая же я дура, – с досадой прошептала я. – Как можно быть такой тупой!»

Вот так. Бог наказал меня при первой же возможности. Я это сразу поняла. Знала же, что нельзя обманывать людей. Тем более среди икон святых, смотрящих на меня со всех сторон. Но соблазн был слишком велик...

Надо бы на этом остановиться, но нет: мой мозг усиленно

заработал, соображая, как выкрутиться из этой ситуации. Я обманула себя почти на треть своей зарплаты!

До самого вечера я надеялась, что у мужчины проснется совесть, и он вернется и отдаст деньги. Но куда там! Если уж у меня совесть дремала, то об этом грубияне и говорить нечего.

На следующий день матушка привезла немного товара, в том числе и серебро. Среди украшений я заметила довольно толстую цепь из червонного серебра, чья цена меня приятно удивила: всего-навсего девятьсот пятьдесят рублей, хотя выглядела на все пять тысяч.

Какая удача! Вот на ней я и выкручусь, решила я, подри-совывая перед девяткой единичку. Теперь цена ее была одна тысяча девятьсот пятьдесят рублей.

«Самое главное, чтобы кто-нибудь купил ее до следующей ревизии», – подумала я.

Мне повезло. Буквально через пару дней к моему окошечку подошел молодой человек лет двадцати и сразу заметил именно эту цепочку. Пока он ее разглядывал, я про себя повторяла:

«Купи, купи, ну, купи же цепочку!»

И он купил. Надел ее сразу на шею. Я с облегчением вздохнула и положила деньги в коробочку.

Но молодой человек не спешил уходить. Он зачем-то начал рассказывать о себе.

– А я не местный. Из Украины приехал. На заработки. Там

вся моя семья осталась. Я почти все деньги им отсылаю. Себе чуть-чуть оставляю, чтобы покушать. А вот сегодня решил себе подарок сделать.

Он улыбнулся и повертел в руках цепочку, висящую у него на шее.

У меня внутри все оборвалось. Я еле сдерживалась, чтобы не разрыдаться от ненависти к себе и жалости к нему. Я даже порывалась вернуть ему практически украденную мной тысячу, но как? Сказать, что ошиблась? Это было бы очень странно. И я промолчала. А он, счастливый, попрощался и ушел.

После того случая я долго проклинала свою подлость. Парень вовсе не был виноват в том, что какой-то наглый пузырь стащил мои деньги!

«Тварь! Тварь! Какая же я тварь!» – ругала я себя.

Об этом случае я никому не рассказала и продолжила обсчитывать покупателей. Но не всех и почти незаметно.

Были среди них довольно милые и приятные люди, которые своим добрым отношением поднимали настроение. Например, Галина. Женщина за сорок, маленькая, худенькая, светловолосая, с добрым взглядом и милой улыбкой.

Мне очень нравилось слушать ее рассказы о семье, о близких ей людях. Еще Галина частенько дарила мне всякие маленькие сувенирчики и открытки. Именно она посоветовала мне покупать хороший чай.

– Лучше разориться и купить пачку хорошего чая, чем

пить всякую бурду и засорять свой организм, — сказала Галина.

Последовав ее совету, я стала баловать себя недешевым, по моим меркам, чаем. Попробовала и черный, и зеленый, и белый. Особенно понравился зеленый с жасмином и черный с бергамотом.

Была у меня еще одна любимая покупательница. Молодая женщина лет тридцати, брюнетка с очень яркой внешностью, выразительными чертами лица и изящными руками. Она обычно покупала что-нибудь из серебра. Я смотрела на нее с восхищением и... жалостью: она была в инвалидной коляске.

Но как-то вечером, выходя с работы, я увидела ее рядом с рынком в обществе женщин и мужчин в инвалидных колясках. Их было не меньше десяти человек. Они что-то бурно обсуждали и выглядели вполне счастливыми. После этого я успокоилась: значит, женщина не одинока, и у нее полно друзей.

Запомнился мне еще один человек, который чаще всего покупал у меня церковные благовония. Это был высокий упитанный мужчина лет тридцати пяти с пухлыми щеками, как у младенца, небесно-голубыми глазами и густой рыжей шевелюрой. Особое очарование ему придавали ямочки на щеках, так как с его губ никогда не сходила улыбка, и аккуратно подстриженные усы и бородка, такие же рыжие, как волосы. Мне всегда казалось, что он очень счастливый

человек – столько солнечного света он излучал. Мои губы невольно расплывались в улыбке, когда я с ним говорила.

Мужчина смешил меня и других покупателей своими историями, отчего сам получал небывалое удовольствие. Особенно мне нравились рассказы о его соседях, которые любили погулять и пошуметь в ночное время.

– Однажды они, как обычно, веселились до самого утра, – рассказывал он. – Музыка гремела на весь подъезд. Я тоже решил немного позабавиться. Моя жена с детьми уехала в деревню на выходные. Я встал рано утром, где-то часов в пять. Подтащил музыкальный центр поближе к той стене, за которой живут эти соседи, и включил церковные песнопения. Они тут же начали барабанить в стену и требовать, чтобы я ее вырубил. А я взял и прибавил громкость! Представляю, что с ними было, ведь они только-только улеглись спать. Зато я повеселился от души. Еще и подпевал во все горло!

Он был очень доволен, когда я долго смеялась над его рассказом.

А еще среди покупательниц была забавная старушка лет семидесяти пяти, одетая в очень старые, потрепанные и изъеденные молюю вещи. Пахло от нее далеко не церковными благовониями, а нос у меня всегда отличался особой чувствительностью. Она могла часами рассказывать о своей семье, о том, как невестка, жена сына, и внуки издеваются над ней, пытаясь свести ее в могилу. В ее рассказах было столько мистики и колдовства, что я слушала ее, открыв рот. Я все-

гда любила подобные истории, от которых мурашки бегали по телу.

Муж, которому я вечерами пересказывала ее истории, лишь усмехался в ответ, утверждая, что бабуля все выдумывает.

– Зачем ей это? – удивлялась я.

– Скучно ей, заняться нечем, вот и сочиняет. Ты ей посоветуй книгу об этом написать – будет нарасхват!

В один из визитов этой бабули мой муж был у меня в лавке и, послушав ее небылицы, заявил после ее ухода:

– Так у нее шизофрения! Я знаю, я же врач.

Его слова вызвали мое сомнение: уж очень он любил строить из себя самого умного. Но куда мне до него! У него высшее медицинское образование, а у меня вообще никакого, чем он меня и подтыкал при любом удобном случае. Хоть это и было правдой, но все равно меня обижало. Но потом я начала бить его по больному месту.

– Имеешь высшее образование, а сидишь на моей шее. Куришь самые дешевые сигареты и пьешь самое дерьмовое пиво. Альфонс несчастный!

Получала, конечно, за это по своей «блядской роже», как он любил выражаться. Но речь совсем не об этом.

Мне вдруг так все надоело: считать две копейки, трястись перед каждой ревизией, ловить на себе любопытные взгляды продавцов и покупателей, когда я шла по рынку, – и я решила искать другую работу.

Церковная лавка (храм)

И вдруг на тебе! Церковную лавку на рынке было решено закрыть, так как выручки от нее никакой, а меня перевести работать в храм.

Поначалу я торговала книгами, иконами и прочей церковной мелочью в фойе храма. Он был еще не действующим, но люди все равно приходили, чтобы поставить свечку за упокой или здоровье либо купить что-нибудь из церковной утвари.

В храме работать было спокойней: не каждый подлец посмеет туда войти. Но мой муж был исключением. Он нередко являлся в пьяном виде и требовал деньги на алкоголь.

Однажды, когда я вновь отказалась дать ему деньги на пиво, он схватил меня за горло и стал душить. Я понимала, что он пьян и не соображает, что творит, но сопротивляться не могла: сил у него было много. Услышав шаги по коридору, он меня отпустил.

Как же я ненавидела его в тот момент! Мерзкие слова уже готовы были сорваться с моего языка, но я вовремя остановилась: мы находились не где-то, а в храме. От бессилья я опустилась на стул и заплакала.

В этот момент вошла женщина, одна из посетительниц храма, и, увидев меня в слезах, принялась меня утешать.

– Не нужно так отчаиваться, – сказала она. – В жизни вся-

кое бывает. Но человек с божьей помощью все может преодолеть. Главное – молиться.

Она подумала, что у меня случилось горе. Знала бы эта добрая женщина, какие мысли посетили меня минуту назад в божьем доме.

Когда меня перевели в церковную лавку при храме, вход в которую находился с противоположной стороны здания, я стала получать почти в два раза больше. Но копить по-прежнему не удавалось: вырос долг за коммунальные услуги (мы с мужем переехали в его квартиру, которую до этого свекровь сдавала квартирантам), а в холодильнике давно мышь повесилась. У меня к весне даже обуви не было! А муж продолжал лежать на диване с пультом в руке, а по вечерам, когда я возвращалась с работы, требовал деньги на пиво и сигареты.

Матушка Маргарита пожалела меня: отдала мне совершенно новые демисезонные полусапожки, предложила мне и моему мужу дополнительный заработок при храме.

Я так радовалась, когда вечером рассказывала мужу об этом. А он, сволочь, напился в первую же смену вместе с рабочим, который делал ремонт в одном из помещений храма. Работу он, естественно, потерял, не успев ее получить. В этом он обвинил меня, и вечером, когда я вернулась с работы, он снова меня поколотил.

Но не только мой муж имел наглость войти в храм в нетрезвом состоянии.

Дело было вечером. Посетителей не было. Я спокойно сидела на стуле и читала одну из церковных книг, когда ко мне в лавку неожиданно ввалились два парня в абсолютно «свиный» состоянии и с бутылкой пива в руках каждый.

Как известно, трезвый пьяному не товарищ. Вежливого диалога у нас не получилось. Я попыталась выпроводить их, но куда там! Один из них чуть не снес шкафчик, на котором стояли церковные книги, а другой, не удержавшись на ногах, повалился на прилавок и уронил бутылку с пивом. Естественно, на полу образовалась пивная лужа с характерным запахом.

Меня всю затрясло от негодования, и, повысив голос, я потребовала покинуть помещение. Один из них, посмотрев на меня пьяным взглядом, пошатываясь, стал пробираться к выходу, а другой вдруг схватил меня за руку, которой я пыталась подтолкнуть его к двери, и неожиданно присвистнул:

– А ты че, бывшая наркоманка?

Я удивленно уставилась на него, а он кивнул на мою руку (я была в блузе с коротким рукавом): под бледной кожей тонкой руки четко проступали вены.

«Твои вены – мечта наркомана», – говорила в шутку моя родственница. В этот момент я вспомнила ее слова.

Я поджала губы и бросила на парня яростный взгляд.

– А что, это так заметно? – процедила я сквозь зубы.

– Заметно, во вены-то какие, – осклабился он, с любопытством разглядывая меня. – А че, вправду наркоманка?

– Наркоманка я или нет – это не ваше дело. Выходите отсюда, – я вырвала свою руку и снова подтолкнула его к выходу.

– Да ладно, че ты, бывает. Понятно тогда, почему ты в церкви работаешь, – сказал парень и, бросив на меня насмешливый взгляд, вышел.

Меня всю трясло от ненависти и злости, и я долго не могла успокоиться. Как же эти подонки вывели меня из себя!

Случались, конечно, и забавные случаи. Вот один из них. Как-то раз зашла ко мне в лавку добротная женщина лет пятидесяти. Одета она была довольно богато (по моим меркам): длинная норковая шуба, меховая шапка, кожаные сапоги на высоком каблуке и сумка в тон. Умеренный макияж, аккуратный маникюр, сладковатый запах духов. И надменный взгляд. Куда ж без него! Этакая дама из высшего общества. Ухоженная, но очень неприятная.

Некоторое время женщина разглядывала иконы, затем начала перелистывать книги, стоящие на полке.

Вдруг она как-то засуетилась, заволновалась и, ничего не сказав, выскочила, хлопнув дверью.

Я удивленно посмотрела ей вслед.

«Странная какая-то, ни здравствуйте, ни до свидания», – подумала я.

И тут до меня дошло! Точнее дошел до моего чуткого обоняния резкий запах то ли прокисшей капусты, то ли тух-

лых яиц.

Я рванула к двери и распахнула ее настежь. Чувствуя, как тошнота подкатывает к горлу, я решила постоять в коридоре, пока в лавке немного проветрится. К сожалению, окно находилось очень высоко, к тому же было перекрыто высоким шкафом, поэтому открыть его не было возможности.

После перенесенного около года назад острого двустороннего гайморита мой нос не только не потерял обоняние, а, напротив, стал в два раза чувствительней. Теперь любой запах, который для другого человека кажется вполне сносным, для меня становится резким до тошноты.

Одна из моих подруг как-то в компании пошутила по этому поводу:

– Ты рыгнешь, а Юлька расскажет тебе, что ты ела сегодня на обед.

Но вернемся в церковную лавку.

Насладившись свежим воздухом, я зашла обратно.

«Фу, тетя, какая же ты вонючая! А с виду такая напыщенная, вся из себя, – хихикала я вполголоса. – Испортила воздух и смылась! Не могла это на улице сделать».

Хлопнула тяжелая входная дверь храма, и я быстро сделала серьезное лицо. Подняла глаза: опять она.

Увидев открытую настежь дверь церковной лавки, женщина густо покраснела и, опустив голову, пробубнила что-то себе под нос.

Я скорее догадалась, чем расслышала, что ей нужны были церковные свечи.

Расплатившись, женщина пулей вылетела из лавки, а я лишь тихонько хихикнула ей вслед.

Пришла на ум еще одна похожая история, правда, не связанная с моей торговой деятельностью. Но тоже довольно забавная.

Как-то летом, а это было уже после развода с мужем, поехала я в большой город поступать в университет на филологический факультет. Да, попытки получить образование у меня все же были.

После очередного зачета я спустилась на первый этаж и зашла в туалет. Сделав свои дела, я вышла из кабинки и присела на скамью рядом с умывальниками.

Тут в туалет вошла, точнее даже вплыла девица, вся расфуфыренная: короткая юбка, блуза с глубоким декольте, из которого грудь так и норовила выскочить, шпильки на длинных, от самых ушей ног, макияж, слишком яркий для дневного света, немыслимое количество украшений на шее, запястьях и в ушах. Яркая, эффектная. Даже красивая. Но сколько высокомерия было в ее глазах, когда она медленно проходила мимо меня, окидывая взглядом, полным презрения. В тот момент, особенно на ее фоне, я почувствовала себя настоящей деревенщиной.

Я с досадой пожала плечами и подошла к умывальнику

вымыть руки. На стене висело зеркало, и я взглянула на свое отражение. Да, выглядела я совсем не так, как большинство абитуриентов университета: простое летнее платье, белые босоножки без каблука, прямые волосы до плеч, минимум косметики и никаких украшений. Моя внешность была обычной, даже невзрачной.

Я вздрогнула от неожиданности, когда из той самой кабинки, в которую вошла девица, раздался вполне характерный звук. Да, дернула фифа от души. Как только под ней унитаз не взорвался!

Я снова присела на скамью и, вынув деревянный гребень, принялась расчесывать волосы.

Выходила девица далеко не царственной походкой. Согнувшись так, что на ее спине можно было документы подписывать, она быстро заковыляла к выходу на своих высоčenных каблуках, чуть не подвернув ногу у самой двери.

Только чувство такта не позволило мне засмеяться ей вслед. Но стоило ей прикрыть за собой дверь, как я тихонько захихикала.

Меня всегда поражали такие люди, как эта девица и женщина в шубе, которые смотрят на других, на них не похожих, как на отбросы общества. Сколько надменности и презрения в их глазах.

Мы все одинаковы. Все выпали из одного места. И все окажемся в земле, независимо от социального статуса и толщи-

ны бумажника.

Но свое возмущение я могла выплеснуть только на бумагу. Я уже давно заметила в себе этот скрытый талант: мне очень нравилось писать. И чтобы работа не казалась каторгой, я начала себя развлекать. Наблюдала за покупателями, пыталась угадать их характер, манеру поведения и мысленно прорисовывала историю их жизни. А затем складывала всю информацию аккуратными стопками у себя в голове, чтобы когда-нибудь использовать в своем творчестве.

К слову сказать, в университет я так и не поступила: бюджетное место было лишь одно, и его заняла другая девушка, набравшая на один бал выше. Но я была очень удивлена, оказавшись на втором месте по количеству баллов, а претендентов было не меньше двадцати.

Заведующий кафедрой, с усмешкой оглядев меня с головы до ног, предложил мне пойти на платное обучение. Под его пристальным взглядом я покраснела до корней волос и ответила, что у меня нет таких денег. И с позором удалилась. Но это совсем другая история.

Спустя какое-то время ко мне в церковную лавку привели еще одну девушку, и мы стали работать посменно.

Итак, звалась она Татьяной. Девчонка веселая, забавная, пухленькая, с очень аппетитными формами. Она очень любила короткие юбки и откровенные вырезы. Каково же было мое удивление, когда она сказала мне, что она племянница

самого настоятеля храма.

По своей глупости девчонка принялась рассказывать мне такие вещи о церковнослужителях, что у меня волосы дыбом вставали. Оказалось, среди последователей бога такие интриги плелись, каких при царском дворе не видали! А я сидела и переживала, что снова обсчитала покупателя на целый рубль.

Честно признаюсь, я испытала досаду и разочаровалась в церкви. Точней не в церкви, а в тех людях, которые говорили нам о вере и которые настоятельно рекомендовали прихожанам покаяться в своих грехах. Хотя до сих пор надеюсь, что среди церковнослужителей все-таки остались честные люди. Но для себя я поняла одно: для общения с богом мне посредники не нужны.

В итоге, спустя полтора года, я ушла из церковной лавки. А после развода с мужем вернулась в село к родителям.

Социальная лавка (село)

В то время моя старшая сестра Наташа, которая тоже жила в селе с мужем и двумя дочерьми, работала в продуктовом магазинчике, в социальной лавке (так он значился в документах). Она принялась меня уговаривать пойти к ней вторым продавцом, так как ее сменщица уволилась по состоянию здоровья. Спустя некоторое время я согласилась.

Магазинчик находился на втором этаже старого каменного здания. Ранее там располагался центр социального обслуживания населения, позже переведенный в город вместе со всей бухгалтерией.

Там же, на втором этаже, находилась зона отдыха, тоже принадлежащая социальному центру. В этом помещении проводились развивающие занятия с детьми, посиделки с пожилыми людьми, а в зимнее время там отдыхали лыжники, приезжавшие в наши густые сосновые леса.

Слева от лестницы разместилась сельская библиотека, в которую вскоре устроилась моя школьная подруга Ольга. Я частенько заходила к ней, чтобы вдохнуть этот ни с чем не сравнимый запах старых книг. Уж очень он мне нравился. К тому же там всегда было тихо и прохладно. Я даже немного жалела о том, что не устроилась в библиотеку.

На первом этаже здания находилась сберкасса, почтовое отделение и еще один небольшой магазин, в котором рабо-

тали две сестры зрелого возраста.

В нашей социальной лавке товару было немного. Естественно, выручка была мизерной. Поэтому и размер заработной платы не приносил никакой радости. У меня было такое чувство, что все повторяется: лавка, мизерная зарплата, недостачи (будь они неладны!).

Благо жила я с родителями, за проживание платить было не нужно. Мама уже была на пенсии: как многодетная мать она ушла в пятьдесят лет. Отец время от времени подрабатывал в качестве сварщика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.